

Символическое «страдание» артефактов

Статья 1

А. А. Смирнова¹, И. В. Леонов², И. В. Кириллов³

^{1,2,3}*Санкт-Петербургский государственный институт культуры, Санкт-Петербург, Россия*

¹*allasmir@mail.ru*

²*ivaleon@mail.ru*

³*os84@yandex.ru*

Аннотация. Двухчастная статья посвящена так называемым символическим «страданиям» артефактов. Речь идет о негативных воздействиях на памятники, которые причиняют им «страдания», но при этом в малой степени затрагивают (или вовсе не затрагивают) материальную составляющую объектов. Изучается фактор множественности позиций субъектов по части восприятия символического «страдания». Уделено внимание особенностям историко-культурного контекста, порождающим подобные ситуации. Осуществляется анализ конкретных примеров причинения символического «страдания».

Ключевые слова: культурное наследие, артефакт, памятник, символическое «страдание», «смысловая аура» памятника.

Для цитирования: Смирнова А. А., Леонов И. В., Кириллов И. В. Символическое «страдание» артефактов. Статья 1 // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 9 (877). С. 156–161. DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_156

Original article

Symbolic «suffering» of artifacts

Article 1

Alla A. Smirnova¹, Ivan V. Leonov², Igor V. Kirillov³

^{1,2,3}*Saint Petersburg State Institute of Culture, St. Petersburg, Russia*

¹*allasmir@mail.ru*

²*ivaleon@mail.ru*

³*os84@yandex.ru*

Annotation. The two-part article is devoted to the so-called symbolic «suffering» of artifacts. We are talking about negative impacts on monuments that cause them «sufferings», but at the same time they affect (or do not affect) the material component of the objects to a small extent. The factor of plurality of positions of subjects regarding the perception of symbolic «suffering» is studied. Attention is paid to the peculiarities of the historical and cultural context that give rise to such situations. The analysis of concrete examples of causing symbolic «suffering» is carried out.

Keywords: cultural heritage, artifact, monument, symbolic «suffering», the «semantic aura» of the monument.

For citation: Smirnova, A. A., Leonov, I. V., Kirillov, I. V. (2023). Symbolic «suffering» of artifacts. Article 1. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(877), 156–161. 10.52070/2542-2197_2023_9_877_156

ВВЕДЕНИЕ

История мирового культурного наследия включает массу примеров всевозможных негативных воздействий, которые испытывали на себе памятники. Эти воздействия отражались на их форме и оставляли глубокие отметины и шрамы в их биографиях¹. В большинстве случаев речь идёт о повреждениях материальной компоненты памятников. В то же время материальный ущерб сказывается и на «смысловых аурах» памятников. В работе с такими памятниками применяются различные практики, направленные на их консервацию, реставрацию, воссоздание. Указанные практики, имея массу вариаций, призваны способствовать сохранению, «излечению», «оздоровлению» и «возрождению» материальных составляющих артефактов.

Вопреки указанному крену на фиксацию материальных повреждений, причиняемых памятникам историко-культурного наследия, существует специфическая группа артефактов, которые не несут на себе зримые отметины «страданий», искажающие их изначальную материальную форму. Вместе с тем означенные памятники устойчиво воспринимаются носителями той или иной культуры как пострадавшие; следы негативных воздействий проявляются в основном на уровне их «смысловой ауры», в символической форме. Особенностью рассматриваемой группы памятников является то, что источником их «страданий» выступают, как правило, целенаправленные действия человека, «наказывающего» артефакт и осознающего, что его действия диссонирующим образом влияют на «ауру» объекта. В то же время следует отметить, что символическое «страдание» может быть причинено и непреднамеренно.

Артефакт, в отношении которого совершаются действия, вызывающие его символическое «страдание», может восприниматься как «виноватый», неугодный и потому заслуживающий наказания. Вместе с тем другая социальная группа может относиться к тому же памятнику как к несправедливо наказанному. Указанное отношение к артефакту во многом основано на его «очеловечивании», проецировании на него качеств субъекта. В результате подобных воздействий памятник становится потерпевшим, униженным, оскорблённым, обвинённым. Данные воздействия и их последствия нередко становятся значимой частью биографий артефактов, их «провенанса».

¹ См. подробнее об этом: [Леонов, Кириллов, 2019; Леонов, Кириллов, 2020].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Говоря о непреднамеренных воздействиях человека, которые причиняют символическое «страдание» артефактам, отметим, что таковые могут совершаться по незнанию, при отсутствии злого умысла, и формируют ощущение «страдания» памятника у людей, осознающих его природу, глубоко погруженных в тот или иной историко-культурный контекст, ценностно-смысловые аспекты бытия определённых артефактов, традицию восприятия конкретных памятников и обращения с ними. Если воспринимающая сторона фиксирует значительные по масштабу аномалии, которые негативно воздействуют на «смысловую ауру» памятника, последний может восприниматься как страдающий.

Символическое «страдание» нередко не уступает по значимости и силе психоэмоционального воздействия «страданиям» памятников, связанным с повреждениями их материальной формы. Действия, которые совершаются вопреки «природе» артефакта, калечат его «ауру», радикально противоречат его предназначению, могут вызвать глубокие переживания. В качестве показательного и значимого для отечественной культуры текста, который содержит упоминания о ситуациях символического «страдания» артефактов, назовём стихотворение К. М. Симонова «Убей его». Исключительной степенью воздействия на читателя наделены строки:

Если дорог тебе твой дом,
Где ты русским выкормлен был,
Под бревенчатым потолком,
Где ты, в люльке качаясь, плыл;
Если дороги в доме том
Тебе стены, печь и углы,
Дедом, прадедом и отцом
В нём исхоженные полы;

Если мил тебе бедный сад
С майским цветом, с жужжаньем пчёл
И под липой сто лет назад
В землю вкопанный дедом стол;
Если ты не хочешь, чтоб пол
В твоём доме фашист топтал,
Чтоб он сел за дедовский стол
И деревья в саду сломал...»²

Дом, который выступает прообразом Родины, не приемлет присутствия врага. Сам факт нахождения фашиста в доме является абсолютно невыносимым

² Симонов К. М. Если дорог тебе тот дом... // Симонов К. М. Собр. соч. в 10 т. М.: Художественная литература, 1979. Т. 1. Стихотворения. Поэмы. Вольные переводы.

и неприемлемым, полностью противоречащим природе дома и родной земли и вызывающим ситуацию «страдания». Даже упоминание о возможности прихода фашистов производит чрезвычайный эффект. Данное стихотворение – один из наиболее значимых текстов советской литературы времён Великой Отечественной войны – было опубликовано в июле 1942 года, во время тяжелейших боев и отступления Красной Армии к Сталинграду, и имело большое мобилизующее воздействие.

Исторический перечень примеров символического «страдания» артефактов достаточно широк. Так, отдельного упоминания заслуживает практика «наказания» колоколов, весьма распространенная на Руси и в Западной Европе. Например, по приказу царя Бориса Годунова был наказан угличский колокол, который возвестил о гибели царевича Дмитрия, что спровоцировало народные волнения. Наряду с нанесением увечий материальной форме объекта (колоколу вырвали язык и отрубили ухо), ему были причинены и символические «страдания»: артефакт прилюдно высекли и сослали на триста лет в далёкий Тобольск, – что стало значимым аспектом его биографии. По краям колокола спустя время была вырезана надпись: «Сей колокол, в который били в набат при убиении Благоверного Царевича Дмитрия в 1573 году, прислан из города Углича в Сибирь в ссылку, в град Тобольск, к церкви Всемилошного Спаса, что на торгу, а потом на Софийской колокольне был часобитной» [Сулоцкий, 1871]. Только в 1892 году с разрешения императора Александра III колокол был возвращён к своему историческому «месторазвитию», в Углич; ныне он является экспонатом Угличского государственного историко-архитектурного и художественного музея. Ещё несколько колоколов были сосланы в отдаленные сибирские монастыри другими царями. Также в отечественной культуре бытуют истории об аресте новгородского вечного колокола после присоединения Новгорода к Московскому государству и о ссылке набатного колокола московского Кремля после испуга царя Федора Алексеевича от его случайного звона. Существовала также практика наказания икон, подобно языческим идолам [Успенский, 1982].

Ситуации символического «страдания» памятников особенно часто возникают во времена революционных преобразований, радикальных «сдвигов» культуры и модернизационных изменений. Во многих случаях символическим «страданиям» подвергают культовые сооружения и объекты монументальной пропаганды предыдущих эпох. Показательным в данном случае является «наказание» монумента Александру III, который стоял на Знаменской пл. (нынешняя пл. Восстания)

в Санкт-Петербурге. Памятник продолжал находиться на своём законном месте до конца 1930-х годов, но в 1922 году на его постаменте было выбито стихотворение Д. Бедного:

ПУГАЛО

Мой сын и мой отец при жизни казнены,
А я пожал удел посмертного бесславья.
Торчу здесь пугалом чугуном для страны,
Навеки сбросившей ярмо самодержавья.

Отметим также, что в дни революционных торжеств (начиная с Первомайского праздника 1917 года) памятник скрывали при помощи декоративных композиций. В 1927 году, во время празднования 10-летия Октябрьской революции, монумент заключили в клетку. В 1937 году памятник был демонтирован и перемещён сперва на склад, находившийся на Лиговской ул., а потом, после передачи статуи Государственному Русскому музею, в Михайловский сад. В 1950 году статуя была помещена во внутренний двор корпуса Бенуа. Наконец, в 1994 году его установили у входа в Мраморный дворец, – где он и находится в настоящее время [Памятник Александру III..., 1996].

Рассматриваемый случай не представляет ситуацию символического «страдания» в чистом виде (памятник был перемещён и оторван от своего «месторазвития»; его первоначальные формы, вследствие появления на нём доски с антимонархическим стихотворением, были искажены), – но сугубо символические перипетии оставили глубокий след в биографии монумента. Заметим, что «наказание» памятника (которое многие носители прежней культуры воспринимали как совершенно непозволительное) широко популяризовалось в советской культуре 1920-х – 1930-х годов. Так, изображение преобразованного памятника было помещено в книгу М.Н. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке», которая на протяжении долгих лет была единственным учебником отечественной истории, применяемым в школе [Покровский, 1933].

Ситуации символического «страдания» артефактов с некоторой долей условности можно соотносить с гражданскими казнями, которые практиковались в России и некоторых других государствах в XVIII – XIX веках. В российской истории было несколько известных гражданских казней – символическая гражданская казнь И. С. Мазепы (в отсутствие самого Мазепы), массовая гражданская казнь декабристов в 1825 году, «казнь» Салтычихи, Н. Г. Чернышевского (выразительное описание которой содержится в сочинениях В.Г. Короленко [Короленко, 1955]) и т. д. Примечательно, что дореволюционные

русские правоведы включали эти наказания в группу осрамительных (позорящих) – наряду с выставлением у позорного столба, проводом по улице в шутовской одежде или голым и т. п. [Таганцев, 1902]. Гражданская казнь, наследующая церемониям разжалования рыцарей эпохи Средневековья и Возрождения, не сопровождалась причинением явного и существенного физического вреда наказуемому, однако принципиально изменяла его социальный статус – человек лишался сословных прав, чинов и наград и т. д. Так, согласно французскому уголовному законодательству начала XIX века, «гражданская смерть производила все те же юридические последствия, как и смерть физическая: брак разрушался и жена становилась наложницею, а прижитые после того дети незаконными, всякое приобретённое имущество после смерти осуждённого поступало в казну» [Таганцев, 1902]. Зачастую гражданская казнь кардинально меняла и общественное отношение к человеку. Также очевидно, что степень причиняемого «казненному» психофизиологического и символического ущерба была значительна.

Возвращаясь непосредственно к рассмотрению символических «страданий» артефактов, отметим, что практики причинения «страданий» довольно разнообразны и проявляются в диапазоне от «мягких» до весьма радикальных.

Один из самых известных (и радикальных) примеров причинения символического «страдания» артефактам культурного наследия в новейшей европейской истории – выставка «Дегенеративное искусство», которая была открыта нацистами в 1937 году и за последующие четыре года объехала тринадцать городов. В рамках выставки демонстрировались работы ведущих немецких и зарубежных живописцев и скульпторов – импрессионистов, фовистов, кубистов, дадаистов, экспрессионистов, сюрреалистов, творчество которых было объявлено в Третьем Рейхе «упадническим», «большевистским» и «космополитическим». Развеска картин на выставке была довольно хаотичной, многие произведения искусства были размещены без рам, в сопровождении оскорбительных надписей. Названия некоторых картин были написаны мелом прямо на холстах или на рамах. Откровенно оскорбительными были и названия выставочных залов: «Откровения расовой еврейской души», «План марша культурбольшевизма», «Надругательство над немецкой женщиной», «Безумие как метод», «Так душевнобольные видят природу» и др. Рядом с «дегенеративными» картинами были помещены вырванные из контекста цитаты из текстов модернистов, и возле них – «разоблачающие» высказывания нацистских руководителей. Также в залах

присутствовали витрины с фотографиями психически больных людей, которые сравнивались с созданными авангардными художниками образами [Козлов, 2007]. Словом, выставка «Дегенеративное искусство» (которую нацистская пресса окрестила «Палатой ужасов»), была беспрецедентным по масштабу примером символического надругательства над европейским авангардным искусством. Необходимо указать, что впоследствии некоторые из представленных на выставке работ были нацистами уничтожены, – что также существенно влияет на восприятие этой выставки как акта «страдания» (не только в символическом плане). Данную выставку можно считать одним из пиков «культурной» (точнее, антикультурной) политики гитлеровской Германии.

Продолжая линейку примеров символического «страдания» памятников, укажем на период французской революции конца XVIII века. В это время многие католические соборы (включая такие значительные как собор Парижской Богоматери и Страсбургский собор) были преобразованы в «храмы разума». В этих «храмах» христианские символы скрывали и заменяли на новые символы. В «храмах разума» отправлялись ритуалы нового культа, которые во многом пародировали католические ритуалы (см., например: [Олар, 1925]) и не принимались верующими людьми, приверженными старым порядкам [Олар, 1925]. Добавим, что воздействие на многие культовые объекты осуществлялось не только в символической форме, материальная компонента памятников нередко претерпевала неорганичные трансформации (так, согласно декрету Робеспьера были обезглавлены статуи королей, которые украшали собор Парижской Богоматери). Однако с учётом предназначения указанных памятников различные символические воздействия, которые были на них оказаны, в существенной степени повлияли на их «ауру». Некоторые из данных воздействий носили исключительно символический характер – например, был запрещён колокольный звон.

Другим примером причинения в контексте революционных потрясений памятнику «страдания» (в том числе и символического) является снос монумента премьер-министру Российской империи П. А. Столыпину в Киеве. Указанный демонтаж, состоявшийся в 1917 году, происходил весьма картинно и сопровождался целой серией символических действий. В рамках многотысячного митинга был устроен «народный суд» (с адвокатами и обвинителями); для сноса была построена специальная виселица; после зачитывания «приговора» статую сперва подняли в воздух, а потом сбросили на землю, имитируя повешение. Впоследствии

скульптура была переплавлена. Факт причинения символических «страданий» памятнику, который был обречён на уничтожение, придаёт биографии объекта дополнительный драматизм.

В первой части статьи рассматривались преимущественно артефакты, страдания которых представляются ярко выраженными. Указанные следы зачастую сохраняются в нематериальных «измерениях» памятников навсегда, – даже если при этом «тело» артефакта не пострадало. «Вещи хранят вековые следы прикосновений; они как бы впитывают нечто из окружающего, и умеющий слышать может подслушать их смутный, невнятный

шёпот о дремучей были» [Муйжель, 1915]. Как показывает опыт изучения данного феномена, ситуации символического «страдания» устойчиво проявляются на протяжении истории. Но при этом конкретные формы и способы причинения символических страданий зависят от специфики конкретной культуры, от историко-контекстуальных обстоятельств; они изменчивы во времени.

Дальнейший обзор заявленной проблематики будет продолжен во второй части статьи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Леонов И. В., Кириллов И. В. «Страдающий» артефакт: основные формы воплощений и особенности восприятия // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 6 (111). С. 176–183.
2. Леонов И. В., Кириллов И. В. «Страдание» как форма бытования артефакта // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 1 (112). С. 196–203.
3. Сулоцкий А. И. Замечательные по Сибири колокола // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при московском университете / повременное издание под заведыванием О. М. Водянского. Книга первая. Январь-март. М.: Университетская типография на Страстном бульваре, 1871. С. 72–84.
4. Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М.: Издательство МГУ, 1982.
5. Памятник Александру III. Скульптор Паоло Трубецкой: книга-альбом / Государственный Русский музей, авт. ст. Л. В. Шапошникова. СПб.: Palact Edition, 1996.
6. Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. 4-е изд., посмертное. М.: Партиздат, 1933.
7. Короленко В. Г. Гражданская казнь Чернышевского. По рассказу очевидца // Короленко В. Г. Собрание сочинений в 10 т. Т. 8: Литературно-критические статьи и воспоминания; Исторические очерки / подгот. текста и примеч. С. В. Короленко. М.: Гослитиздат, 1955. С. 76-80.
8. Таганцев Н. С. Русское уголовное право: Лекции Н. С. Таганцева, д-ра уголов. права... : Часть общая. Т. 1–2. Т. 2. 2-е изд., пересм. и доп. СПб.: Государственная типография, 1902.
9. Козлов Г. Дегенераты против истинных арийцев // Артхроника. 2007. № 7–8. С. 90–103.
10. Олар А. Культ разума и культ верховного существа во время французской революции: 1793–4 / пер. с фр. Е. С. Коц и А. Н. Карасика. Л.: Сеятель Е. В. Высоцкого, 1925.
11. Муйжель В. В. С железом в руках, с крестом в сердце: на Восточно-Прусском фронте. Петроград: Т-во А. Ф. Маркс, 1915.

REFERENCES

1. Leonov, I. V., Kirillov, I. V. (2019) «Stradayushchij» artefakt: osnovnye formy voploshchenij i osobennosti vospriyatiya = The «suffering» artifact: the main forms of incarnations and features of perception // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin. (pp. 176–183). № 6 (111). (In Russ.)
2. Leonov, I. V., Kirillov, I. V. (2020) «Stradanie» kak forma bytovaniya artefakta = «Suffering» as a form of artifact existence // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin. (pp. 196-203). № 1 (112). (In Russ.)
3. Sulockij, A. I. (1871) Zamechatel'nye po Sibiri kolokola = Wonderful bells in Siberia. Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostej rossijskih pri moskovskom universitete ; povremennoe izdanie pod zavedyvaniem O. M. Vodyanskogo. Kniga pervaya. Yanvar'-mart. (pp. 72–84). Moscow: Universitetskaya tipografiya na Strastnom bul'vare. (In Russ.)
4. Uspenskij, B. A. (1982) Filologicheskie razyskaniya v oblasti slavyanskih drevnostej = Philological research in the field of Slavic antiquities. Moscow: Izdatel'stvo MGU. (In Russ.)

5. Shaposhnikova, L. V. (1996). Pamyatnik Aleksandru III. Skulptor Paolo Trubeckoj = Monument to Alexander III. Sculptor Paolo Trubetskoy: book-album. Gosudarstvennyj Russkij muzej. Saint Petersburg: Palact Edition. (In Russ.)
6. Pokrovskij, M. N. (1933) Russkaya istoriya v samom szhatom ocherke = Russian history in the most concise essay. 4th ed. Moscow: Partizdat. (In Russ.)
7. Korolenko, V. G. (1955) Grazhdanskaya kazn' Chernyshevskogo. Po rasskazu ochevidca = The civil execution of Chernyshevsky. According to the story of an eyewitness. In Korolenko, V. G., Sobranie sochinenij (vol. 8: Literaturno-kriticheskie stat'i i vospominaniya; Istoricheskie ocherki): in 10 vols. Moscow: Goslitizdat. (In Russ.)
8. Tagancev, N. S. (1902) Russkoe ugovnoe pravo: Lekcii Prof. N. S. Taganceva = Russian Criminal Law: Lectures by N.S. Tagantsev, Doctor of Criminal Law... (vols. 1–2: Part general). 2nd ed. St.Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya. (In Russ.)
9. Kozlov, G. (2007) Degeneraty protiv istinnyh arijcev = Degenerates versus True Aryans. Arthronika, 7–8, 90–103. (In Russ.)
10. Olar, A. (1925) Kul't razuma i kul't verhovnogo sushchestva vo vremya francuzskoj revolyucii: 1793-4 = The cult of reason and the cult of the Supreme Being during the French Revolution: 1793-4, transl. by E. S. Kots, A. N. Karasik. Leningrad: Seyatel' E. V. Vysockogo. (In Russ.)
11. Mujzhel', V. V. (1915) S zhelezom v rukah, s krestom v serdce: na Vostochno-Prusskom fronte = With iron in his hands, with a cross in his heart: on the East Prussian front. Petrograd: Tovarishchestvo A. F. Marks. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Смирнова Алла Александровна

доктор исторических наук, профессор
заведующая кафедрой теории и истории культуры
Санкт-Петербургского государственного института культуры

Леонов Иван Владимирович

доктор культурологии, доцент
профессор кафедры теории и истории культуры
Санкт-Петербургского государственного института культуры

Кириллов Игорь Викторович

преподаватель кафедры теории и истории культуры
Санкт-Петербургского государственного института культуры

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Smirnova Alla Aleksandrovna

Doctor of Historical Sciences, Professor
Head of the Department of Theory and History of Culture
St. Petersburg State Institute of Culture

Leonov Ivan Vladimirovich

Doctor of Culturology, Associate Professor
Professor of the Department of Theory and History of Culture
St. Petersburg State Institute of Culture

Kirillov Igor Viktorovich

Lecturer of the Department of Theory and History of Culture
St. Petersburg State Institute of Culture

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

08.06.2023
01.07.2023
03.07.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication